

Раса Чепайтене
Индустриальное наследие и экомузей

Из книги: Раса Чепайтене. Культурное наследие в глобальном мире.
Вильнюс: ЕГУ, 2010. – С. 205-216.

Другой значимый не только для науки, но и для общества пример расширения роли археологии – **индустриальная** или **альтернативная археология**. Основные темы исследований этой новой ветви археологии: 1) дихотомия между «пролетариатом» индустриальных обществ и «ремесленничеством» традиционных; 2) формирование глобальных торговых сетей и связи между индустриальной продукцией и колониальным использованием; 3) различные роли потребителя и государства в процессах промышленного производства; 4) историко-архитектурное развитие урбанистических индустриальных центров; 5) социальный мир труда и производства; 6) презентации и интерпретации индустриальных памятников.

Пользуясь методами классической археологии, индустриальная археология вынуждена искать и новые, подходящие своему сложному характеру объекты – от маленького предприятия до гигантской промышленной зоны. Это: 1) документирование и исследование технологических изменений (от технологий традиционного до технологий индустриального общества); 2) экспериментирование и попытки воссоздания производственных процессов, называемых также исследованиями «случаев» (*case studies*) – производственных зданий, инструментов, оборудования.

Основной объект исследования и охраны производственного наследия – фабрика почти никогда не была отдельным зданием. Его окружали различные пристройки и комплексы производственного и жилого назначения: энергетические инфраструктуры, склады, административные или хозяйственные постройки, места жительства рабочих, магазины, кафе, храмы и школы, наконец, весь охваченный промышленной деятельностью ландшафт.

Все эти объекты, иногда гигантского масштаба, олицетворяют современный образ жизни и труда. Такие местности в массовом сознании нередко отождествляются с их жителями – простыми, часто неграмотными рабочими, поэтому они долгое время оставались на периферии академических интересов и системы охраны наследия. Все это вместе и объясняет позднюю заинтересованность индустриальной археологией (за исключением Англии).

Для такого «опоздания» имело значение и то, что производственные комплексы почти не соответствовали привычным критериям, применяемым к историческому памятнику, включаемому в реестры охраны. Другая сложность состояла в том, что часто объекты производственного наследия, будучи материальными точками или связками глобальных производственных и торговых сетей (например, железных дорог), пересекают границы отдельных наций-государств, что тоже не позволило более гибко реагировать опирающемуся на государственную структуру законодательству и администрированию в области охраны наследия.

Понятие «индустриальная археология», вероятно, впервые было использовано профессором Бирмингемского университета Д. Дадли в 1955 г. в статье об археологических раскопках в Бельгии⁶¹. Необычность термина и определенная его парадоксальность быстро обратили на себя внимание специалистов. Позднее, когда началось его применение в исследованиях индустриальной эпохи, возникло много споров о смысле этой дисциплины и ее месте в классификации наук. Согласно Д. Вороноффу, «индустриальная археология – это не новая историческая дисциплина, а новый взгляд на историю производства»⁶². Одним словом, исследования производственного наследия не имеют автономного научного статуса, однако органично входят в комплексные исторические исследования производственной цивилизации.

⁶¹ М.С. Штиглиц, Методологические основы индустриальной археологии и наследие Петербургского промышленного зодчества, *Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург, "Белое и черное", выпуск 5, 2000, с. 284-285.

⁶² D. Woronoff, L'archéologie industrielle en France: un nouveau chantier, *Histoire, économie et société*. Paris, Gallimard, 1990, p. 448.

Первый шаг археологии этого типа – «завязать связи с местностью, попытаться осмыслить ее, "расшифровать", как палеограф расшифровывает старую рукопись, географ – пейзаж, а этнограф – суть народных обычаев. В стремлении к этой цели она не отождествляется ни с историей конкретного предприятия, ни с технической музеографией»⁶³.

В свою очередь это направление археологии особенно склонно к междисциплинарным исследованиям. На его теоретические основы немалое влияние оказали открытия французской школы *Annales*: концепты *цивилизации* Л. Февра, *длительной протяженности* Ф. Броделя, *медленной истории* Э. Ле Руа Ладюри, *социоэкономических циклов* Э. Лабруса, уже не говоря об истории *обычаев и менталитетов* или разделении эпох по господствующим технологиям и типам энергии⁶⁴. Этот солидный теорико-методологический багаж позволил сформироваться специфически французской индустриальной археологии, отличающейся как от англосаксонской, так и от археологии южных стран.

Однако отождествлять исследования производственного наследия только с археологическими раскопками было бы ошибочно. В междисциплинарных исследованиях конкретного объекта наследия типичные для античной и средневековой археологии методы здесь скорее исключения, чем правило⁶⁵. Такое исследование производственного наследия является «археологическим» более всего в классическом смысле этого термина: как потребность узнать и понять подземные структуры и расшифровать сложную систему построек. В первом случае раскопки помогают воссоздать состояние разрушенных зданий или сооружений. Во втором требуется пространственный и архитектурный анализ, опирающийся на методы истории искусства и архитектуры. Таким образом, при согласовании и уравнивании этих методов стремятся установить «характерные для каждой эпохи типичные формы развития и стиль производственного предприятия, которые более или менее сохранились до наших дней»⁶⁶.

Индустриальная археология раньше всего сформировалась в Объединенном Королевстве – около 1960 г. (хотя есть данные, что этим интересовались еще в межвоенное время) – и в США, где она считалась ветвью общей археологии⁶⁷. Она началась с исследований инфраструктуры транспорта⁶⁸. Здесь в отличие от других стран, где инициаторами были прежде всего специалисты, большое значение имела общественная инициатива.

В период технологических трансформаций, когда производственные достижения прежней эпохи сошли на нет, возникли движения, направленные против разрушения некоторых отслуживших «свой век» предприятий и заводов. В Англии для этого движения «снизу» были специфические условия: индустриальная эпоха там совпала с периодом правления королевы Виктории, считающегося в историческом аспекте «золотым веком» доминирования британцев в мире. В итоге индустриальное наследие в этой стране оказалось непосредственно связанным с символом национальной гордости.

США и Канада в силу особенностей своего исторического развития тоже оказались странами, благоприятными для развития индустриальной археологии. Здесь, как и в Объединенном Королевстве, этот тип наследия имеет серьезные преимущества культурной идентичности. Кстати, считается, что археологические раскопки, выполненные в Квебеке, в национальном парке Сен-Морис, где находятся старейшие литейные заводы, созданные в 1729 г., были самыми большими в мире такого типа⁶⁹. В Германии в этом отношении нет никакой центральной организации, и

⁶³ Jean-Yves Andrieux, *Le patrimoine industriel*. Paris, Presses Universitaires de France, 1992, p. 16.

⁶⁴ J.-M. Pesez, *Histoire de la culture matérielle, La nouvelle histoire* (sous la dir. de J. Le Goff). Paris, Editions complexe, 1978, p. 228.

⁶⁵ J. Mertens, *L'Archéologie industrielle et la Fouille, La règne de la machine. Rencontre avec l'Archéologie industrielle*. Bruxelles, 1975, p. 26-35.

⁶⁶ L. Bergeron, *Archéologie industrielle, Encyclopaedia Universalis*, 1988, p. 550.

⁶⁷ E. R. Green, *Industrial Archaeology of County Down*. London, 1963.

⁶⁸ Keith Falconer, *The Guide to England's Industrial Heritage*. London, Holmes and Meier, 1980.

⁶⁹ Jean-Yves Andrieux, *Le patrimoine industriel*. Paris, Presses Universitaires de France, 1992, p. 79.

здесь производственным наследием занимаются федеральные земли; политика некоторых из них, например земли Северный Рейн-Вестфалия, в этом отношении считается образцовой. В Италии стремятся в эту деятельность больше включить регионы; этому примеру быстро последовали и другие страны. В Скандинавии наибольший интерес к этому ответвлению археологии проявила Швеция.

Парадоксально, что, несмотря на доминирование идеологии марксизма, государства Центральной и Восточной Европы до сих пор сравнительно мало заботились о своем производственном наследии. Больше всего, может быть, сделала Польша, имеющая известные производственные комплексы – в Лодзи, называемой «польским Манчестером», в регионах угледобычи в Нижней и Верхней Силезии или в попавших в Список мест мирового культурного наследия соляных копях в Величе. В этом отношении старается не отставать и Чехия с ее богатой историей тяжелой металлургии. Хотя действия специалистов этой области в России пока мало скоординированы между собой и еще не оценены обществом, ученые Санкт-Петербурга, несомненно, под влиянием соседей-скандинавов в этой области уже имеют определенные наработки⁷⁰.

Вообще принято говорить о двух типах индустриальной археологии: весьма прагматическом и техническом (англосаксы, немцы, скандинавы) и более комплексном и концептуальном (франкофоны и итальянцы). Сегодня заинтересованность индустриальной археологией уже перешагнула порог сентиментальности или беспокойства из-за ускоряющихся изменений в обществе и достигла глобальных масштабов с помощью *Списка всемирного индустриального наследия*, аналогичного составляемым ЮНЕСКО.

Хотя хронологические рамки индустриальной археологии обычно охватывают период с XVIII в. до середины XX в., они и сегодня тематически объединяют все типы производственной деятельности в самом широком смысле до «оставленных деятельностью людей прошлого материальных инфраструктур»⁷¹. По мнению одного из первых авторов этой тематики А. Буханана, хронологические рамки индустриальной археологии должны охватывать период от кремниевых копей периода неолита до модели компьютера предпоследнего поколения⁷². В этом отношении может показаться, что классическое разделение на доисторическую, античную и средневековую археологию больше не имеет смысла. Но именно специфические методы позволяют сохранить определенную автономию индустриальной археологии⁷³. Другую сторону ученых представляют противники бесконечного умножения количества археологических дисциплин (индустриальная, городская, ландшафтная и др.), которые предлагают объединить их под «крышей» «модернистской» или «современной» археологии. Тогда она будет свободной от любых пространственных, тематических или временных ограничений и может стать просто «наукой о созданных людьми технологиях»⁷⁴.

Действительно, исследования по индустриальной археологии часто схожи с подходами городской, поскольку в обоих направлениях исследователи сталкиваются с изменениями и разнообразием функций мест, обжитых в течение долгих веков. Похожи и их источники: планы, инвентари, иконография. Общий у них и объект интереса: производственные комплексы и рабочие кварталы, составляющие часть города. Кстати, в отличие от историка, для которого город – это место стыка политических и экономических сил, обмена культурными знаками и смыслами, социальных противоречий, напряжений и конфликтов, в котором зарождался современный мир, для археолога пространство города не подвластно измерению – ни хронологическому, ни топографическому. Оно, скорее, раскрывает медленную эволюцию городского общества. Таким образом, город – это продукт длительного времени. В нем, как в «Аду» Данте, много кругов, и компетенция археолога не должна ограничиваться только центральным кругом, т.е. доиндустриальным городом⁷⁵. Вместе с тем кроме археологического и

⁷⁰ М.С. Штиглиц, *Методологические основы...*, с. 284-297.

⁷¹ S. Benoit, P. Peyre, L'apport de la fouille archéologique à la connaissance d'un site industriel: l'exemple des forges de Buffon (Côte d'Or), *L'archéologie industrielle en France*, 1984, nr. 9, p. 5.

⁷² Angus Buchanan, *Industrial Archaeology in Britain*. London, Harmondsworth, 1972.

⁷³ Arthur Raistrick, *Industrial Archaeology, an Historical Survey*. London, Eyre Methuen, 1973, P-12-13.

⁷⁴ Jean-Yves Andrieux, *Le patrimoine industriel...*, p. 7.

⁷⁵ Henri Galinie, Manuel Royo, L'archéologie à la conquête de la ville, *Passées recomposés. Champs et chartiers de l'histoire*. Paris, Editions Autrement, 1995, p. 258.

архитектурного измерений эти сферы познания имеют еще одно – антропологическое. Исследования производственного наследия охватывают повседневную жизнь и труд рабочих и все проистекающие отсюда социоэкономические отношения.

По словам Ж.-П. Бабелона и А. Шастеля, на формирование понятия «наследие» оказали влияние пять факторов: религия, государство, нация, администрирование и наука, которая больше всего ответственна за его распространение⁷⁶. К этому можно было бы добавить шестой фактор, который становится все более важным сегодня, – экономика. «Утратив утилитарное значение, объект приобретает ценность привлекательности, связанную с пониманием его как творения человека. Старая ферма или магазин теперь становятся тем же, чем для более ранних поколений была церковь, парк или замок», – писали они⁷⁷. Как мы видели, к этому можно добавить и фабрику, которая тоже становится признаком распространения понятия наследия.

Бум индустриальной археологии возник в 70-80-е гг. XX в. как реакция на социальные потрясения и нестабильность того времени. Массовая популяризация производственного наследия, особенно благодаря появлению экомузеев⁷⁸, родилась в попытках противостоять последствиям деиндустриализации. В то же время надо подчеркнуть, что собирание и экспонирование объектов производства начались с традиционных музеев и скансенов, например индустриальных музеев типа скансена Беамиш, Блэк Кантри или БлистХилл в Англии⁷⁹.

В свою очередь экомузей как крайнее проявление нового – «жилого» – музея (впервые появился во Франции в конце 1970-х гг.) был ориентирован на экспонирование не только индустриального, но и аграрного прошлого. В 1967 г. во Франции в связи с активной региональной политикой создавались региональные парки, задачей которых было поощрение культурного и экономического развития отдельных областей. Это позволило Жоржу-Анри Ривьеру во Франции применить принципы и опыт скандинавских музеев под открытым небом⁸⁰. Однако здесь основной акцент был сделан не на переносе зданий или создании их на специально подготовленной территории, а на воссоздании старых объектов и прежде всего возрождении их деятельности. Существенная особенность этого замысла заключалась не только в демонстрации архитектурной исключительности обновляемых объектов или в поощрении культурного развития. Особое внимание здесь уделялось человеку и окружающей среде. Это стало плодотворной попыткой объединить гуманитарные и естественные науки.

Такие новые образования, получившие в 1971 г. название *экомузеев* (акцентируется экологический и экономический аспекты), довольно быстро были признаны и стали популярными, поскольку объединили активно пропагандируемые в то время идеи регионального развития и охраны природы. В 1971–1974 гг. возникла идея создать аналогичный музей в городе, в котором отразилось бы наследие производства и его значение в жизни современного общества. Эти новшества соответствовали ожиданиям общества того времени, поскольку объединяли экологическую проблематику и региональную этнографию. Важно, что первые экомузеи появились в годы экономического подъема, чем они и отличались от множества современных, созданных после 1977 г., – года экономического упадка⁸¹.

Экомузеи призваны представить посетителю целостность исключительных географических и культурных характеристик всего региона. Такое культурное учреждение, основанное *in situ*, одновременно качественно отличается от скансена, хотя и происходит от него⁸². Со временем экомузеи стали настоящими лабораториями в натуральную величину, в которых проводились социальные и культурные эксперименты. «Само общество создает живой, постоянно действующий экомузей.

⁷⁶ J.-P. Babelon, A. Chastel, *La notion du patrimoine...*, p. 5.

⁷⁷ Ibid., p. 27.

⁷⁸ John Urry, *Gazing on History, Representing the Nation: a Reader. Histories, Heritage and Museums* (ed. by David Boswell and Jessica Evans). London, Routledge, 1999, p. 208-232.

⁷⁹ Marion Blockley, *The social Context...*, p. 52.

⁸⁰ Isac Chiva, George Henri Rivière: une demi-siècle d'ethnologie de la France, *Terrain*, 1985, no. 5, p. 76-83.

⁸¹ Подробнее см.: Франсуа Юбер, Экомузеи во Франции: противоречие и несоответствие, *Museum*, 1985, № 148, с. 6-10.

⁸² Philippe Mairot, *L'objet de l'écomusée, Territoires de la Mémoire. Les collections du patrimoine ethnologique dans les écomusées* (sous la dir. de Marc Auge). Paris, 1992, p. 30.

В таком музее нет посетителей, в нем есть только жители», – писал куратор одного из экомузеев во Франции Юг де Варинэ⁸³.

Экомузеи являются разновидностью «нового музея», наиболее популярной в франкофонных странах (Франция, Канада, Бельгия). Они, как и усиливающееся внимание к индустриальной археологии, показывают определенное изменение понятия культурного наследия, расширяя его до нецененных ранее вследствие их неэстетичности – рядовых, но очень важных для идентичности конкретной социальной группы (крестьянства, рабочих) объектов. Вместе с тем это становится признаком уважения к труженикам завершающейся индустриальной эпохи, которых внезапные экономические изменения выбросили за пределы рынка востребованной рабочей силы и породили тяжелые социальные последствия безработицы и ненужности. А стремление смягчить нанесенные социальные травмы часто призывает на помощь новые средства исторической дидактики. Так социально ангажированная история становится своеобразной клиотерапией (от Клио – муза истории).

Итак, экомузеи стали своеобразными инициаторами реконверсии и нового использования отслуживших производственных объектов. По словам французского социолога А.-П. Жёди, после завершения движения социального сопротивления закрытию заводов и ликвидации некоторых способов производства социоиндустриальная музеография появилась в самое нужное время, чтобы залечить раны, вызванные социальными изменениями. Консервативными средствами тип нового музея прямо и активно ответил на волнения, порожденные исчезновением привычного образа жизни⁸⁴.

В старом поселке горняков Буа-дю-Люк в окрестностях города Ла Лювьер в Валонском регионе Бельгии в 2000 г. был открыт музей угледобычи. В 1973 г., когда иссякли ресурсы последней шахты, уникальный ансамбль индустриальной архитектуры XIX в. потерял экономическое и социальное значение. Работы по реставрации полностью сохранившегося комплекса производственных, общественных и жилых зданий проходили не один год и, часто прерывавшиеся из-за недостатка средств, наконец-то были завершены.

Этот объект – интересный памятник христианского патернализма XIX в., ставший местом живой памяти рабочего класса. Индустриальный комплекс Буа-дю-Люк в XIX в. невиданно вырос и стал настоящей не только экономической, но и культурной автаркией. Говорят, что по сравнению с условиями работы и жизни в других местах угледобычи Буа-дю-Люк был привилегированным: недаром хозяин шахты получил от рабочих прозвище Бог-Отец, поскольку брал на себя ответственность не только за экономическую эффективность добычи угля, но и за условия жизни рабочих.

Такая забота, называемая христианским патернализмом, несмотря на обретенную стабильность и безопасность, вызывает у посетителей много вопросов. Может ли рабочий чувствовать себя свободным, когда, утратив возможность трудиться из-за производственной травмы, болезни или старости, может быть просто выброшен на улицу, если, конечно, у него нет детей, которые заменили бы его в шахте и таким образом сохранили прежнее относительное благополучие семьи? Эта ощущаемая в музее дилемма свободы и относительного благополучия не оставляет зрителя равнодушным. Аутентичное окружение позволяет ему ознакомиться с рабочим днем и бытом живших здесь людей. Организаторы экспозиции постарались найти то, что заинтересовало бы не только инженера, историка технологий, но и рядового туриста, не имеющего представления о тяжести труда по добыче угля. Последний погружается в жизнь угледобычи рассказами гида о первом спуске в колодезь шахты десятилетнего мальчика (пареньки такого возраста уже начинали работать вместе со взрослыми). Кстати, когда комплекс переделывали в музей, шахта была заполнена шлаками и для посетителей осталась доступной только надземная часть прииска. А рядом с мужчинами и детьми, работавшими под землей, отводилось место и для женщин, которые

⁸³ Цит. по: Jean-Yves Andrieux, *Le patrimoine industriel*. Paris, Presses Universitaires de France, 1992, p. 94.

⁸⁴ Henri-Pierre Jeudy, *Mémoires du social...*, p. 33.

наверху сортировали уголь. Для этого (как теперь популярно) создатели экспозиции используют словесную историю – в интервью, записанном на видео, звучат воспоминания работавшей здесь женщины.

Посетителей впечатляет не только производственное оборудование, но и жилые здания рабочих, составляющие четыре гигантских квадрата. Хотя жители этих помещений и сменились, для любопытства туристов организаторы оставили один аутентичный интерьер, в котором уже в XIX в. было электрическое освещение, ненадолго включаемое и выключаемое с центрального пульта администрации прииска...

В бывших шахтах, кроме музея, до сих пор находятся рабочие – занявшие мастерские кузнецы и другие ремесленники, которые охотно делятся с посетителями секретами своего старого мастерства. В здании музейной экспозиции, хотя здесь большинство вещей находится под стеклом, можно своими руками поднять орудие труда шахтера – пневматический отбойный молот и убедиться, что это действительно нелегкая вещь, а ведь шахтерам приходилось не только поднимать, но и держать его целый день.

В настоящее время делаются попытки не только сохранить, но и возродить то, что исчезло. Экомузеи становятся своеобразными «святилищами» или «больницами», в которых «лечатся» раны социокультурных переломов. Они выражают веру в сохранение живых социальных связей и культурных идентичностей. Таким образом, культурная политика предлагает свою перспективу сохранения смысла в самом эпицентре сегодняшнего кризиса ценностей⁸⁵.

Различия традиционного музея и экомузея

Основа оценки	Музей	Экомузей
Локализация	Здание	Местность
Объект внимания и интерпретации	Коллекция	Наследие в холистическом смысле
Академический доступ	Дисциплинарный	Междисциплинарный
Аудитория	Посетители	Общество
Пространство политического контроля	Музей	Местное общество и его окружение

Таким образом, через идентификацию ценностей наследия и их музеефикацию часто достигаются эффекты возрождения *коллективного достоинства* конкретной социальной группы. В этих случаях, например, рабочие или крестьяне больше не считают себя выброшенными за пределы постиндустриального общества и никому не нужными. Праздники, обряды, базары, ярмарки, традиционные ремесла, кулинарное наследие, местная архитектура и ландшафт, в глазах иностранцев содержащие немалую долю экзотики, для местных жителей становятся не только источником гордости за прошлое, но и основой надежд на лучшую жизнь.

Иначе говоря, заметно уже не стремление сохранять реликты прошлого «во имя самого хранения», а желание интегрировать «живые», неотъемлемые от современной деятельности жителей села объекты в ткань настоящего, чтобы сохранить социальную жизнь развивающейся, жизнеспособной и полнокровной.

На то, как мы помним прошлое, в числе прочего оказывают влияние различные средства передачи информации (медиа), которые мы используем для того, чтобы расширить объем своей индивидуальной памяти. Одним из таких сложнейших и действенных средств воздействия все еще является музей, который, несмотря на почтенный возраст, способен адекватно включиться в потребности визуальной культуры, перенимать и активно использовать возможности современных технологий. Современный музей представляет собой интермедийный жанр, поскольку охватывает артефакты, тексты и различные аудиовизуальные средства, такие как звукозапись, фильмы, и структурирует экспонаты, используя не только традиционные витрины, диорамы, модели, муляжи, но и самые разнообразные аудиовизуальные эстетические эффекты.

⁸⁵ Henri-Pierre Jeudy, *Mémoires du social...*, p. 35-38.